

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.37973/KUI.2023.66.70.018

ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СВЯЗАННЫХ С ПУБЛИЧНЫМ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Алексей Владимирович Петрянин¹, Илья Михайлович Пшеничнов²,
^{1,2} Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета,
Нижний Новгород, Россия,
¹ petryanin@mail.ru, ² pshenichnov.im@skspba.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена информатизации преступлений экстремистской направленности, значительная часть которых перешла в киберпространство. Особенно остро это отразилось на стабильности гражданского правопорядка и правосознания из-за развития способов дистанционной реализации радикальных преступных целей, что закономерно повлекло новый этап криминализации. В научном сообществе продолжают дискуссии о целесообразности и допустимости отдельных ее направлений, в том числе связанных с публичным распространением заведомо ложной информации определенного характера. С учетом этого особую актуальность в современном мире демонстрируют теоретико-прикладные исследования, посвященные конкретным проявлениям подобной криминальной активности.

Материалы и методы: диалектический метод познания объективной действительности выступил в качестве базового фундамента настоящего исследования. В то же время статья также основана и на общенаучных методах, в том числе анализе и дедукции, выраженных в разделении общих понятий и их признаков, закономерностей и противоречий общественной опасности соответствующих преступлений на их составляющие для последующего изучения. Кроме того, при подготовке статьи применялись частнонаучные методы, в том числе догматический, необходимый для толкования законодательства и обнаружения внутренних и внешних логических проблем.

Результаты исследования: на основании проведенного исследования и сформулированных тезисов выделены отличительные признаки и характерные особенности, определяющие сущность и содержание общественной опасности преступлений экстремистской направленности, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации.

Обсуждение и заключение: предлагается научное обоснование общественной опасности преступлений экстремистской направленности, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации, уголовная ответственность за совершение которых в действительности не ограничивает свободу слова и информационное пространство, а лишь обеспечивает им безопасные условия существования.

Ключевые слова: экстремистская деятельности; преступление; общественная опасность; криминализация; ложная информация; публичность; уголовная ответственность

© Петрянин А.В., Пшеничнов И.М., 2023

Для цитирования: Петрянин А.В., Пшеничнов И.М. Об общественной опасности преступлений экстремистской направленности, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 138 – 145. DOI: 10.37973/KUI.2023.66.70.018

Scientific article

UDC 343.3/.7

DOI: 10.37973/KUI.2023.66.70.018

PUBLIC DANGER OF EXTREMIST CRIMES CONNECTED WITH PUBLIC DISTRIBUTION OF MISLEADING INFORMATION

Alexey Vladimirovich Petryanin¹, Ilya Mikhailovich Pshenichnov²,

^{1,2} The Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee,
Nizhny Novgorod, Russia,

¹ petryanin@mail.ru, ² pshenichnov.im@skspba.ru

Abstract

Introduction: the article is on informatization of extremist crimes much of which transferred to cyberspace. Distant radical criminal acts have a sharp impact on stability in civil order and legal consciousness which created a new stage of criminalization. Academic society continues discuss the desirability and permissibility of certain parts of criminalization including related to public distribution of misleading specific information. Taking this into account, theoretical and applied research on specific manifestations of such criminal activity becomes particularly relevant.

Materials and Methods: the basis for the study was the dialectical method of cognition of objective reality. Meanwhile the article is also based on general methods including analysis and deduction due to separation of general concepts and their signs, regularities and contradictions of the public danger of the respective offences into their components for further study. Besides the author used specific methods among which was dogmatic one, necessary for interpreting legislation and detecting internal and external logical problems.

Results: the author distinguished features defining the essence and the contents of public danger of extremist crimes connected with public distribution of misleading information.

Discussion and Conclusions: the author suggests scientific ground for public danger of extremist crimes connected with public distribution of misleading information, criminal liability for the commission does not in fact have the effect of restricting freedom of speech and information space, but only provides them with safe conditions of existence.

Keywords: extremist activity; crime; public danger; criminalization; false information; publicity; criminal liability

© Petryanin A.V., Pshenichnov I.M., 2023

For citation: Petryanin A.V., Pshenichnov I.M. Public Danger of Extremist Crimes Connected With Public Distribution of Misleading Information. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2023;14(4):138 – 145. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.66.70.018

Введение

Получение и передача информации выступают базовыми составляющими основополагающих прав человека и гражданина любой страны, что прежде всего определяется их естественной природой происхождения, которая нашла свое

отражение во многих нормах международного и национального законодательства, в том числе в ч. 2 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах¹, ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации², а также в ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ

¹ О гражданских и политических правах: международный пакт от 16.12.1966 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Москва, 1978. Вып. XXXII. С. 44.

² Конституция Российской Федерации: принята 12.12.1993 всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

«Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹. С учетом этого как на национальном, так и на международном поле ведется значительное количество дискуссий о целесообразности и допустимости любого рода ограничений, в особенности уголовно-правового характера, связанных с реализацией правомочий, обусловленных свободой слова и его оборотом в информационном пространстве. Более того, на этот вопрос, в том числе необходимость сохранения баланса между обусловленностью применения в рассматриваемой сфере средств уголовно-правового характера и их репрессивностью, неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в рамках собственных юридических предписаний, согласно которым УК РФ в силу своей природы является исключительно крайним средством государственного реагирования на те или иные проявления делинквентного поведения².

Вместе с тем следует понимать, что на текущей стадии развития общественных отношений, когда глобализация достигла практически всех сфер жизни и взаимодействие между людьми больше не строится на территориальном принципе и даже не зависит от языкового барьера, одной из наиболее актуальных проблем современности стала уязвимость массового социального восприятия и правосознания перед информационной пропагандой и манипуляцией, вызванной как неосторожными публичными высказываниями, так и умышленным применением средств и методов социальной психологии в преступных целях. Так, например, соответствующая новость или ее интерпретация, отраженная в текстовом формате, видео- либо аудиозаписи, обладают достаточным деструктивным потенциалом, для того чтобы непосредственно дестабилизировать функционирование отдельных органов государственной власти и/или институтов гражданского общества, детерминировать нежелательный резонанс либо эскалацию внутренних конфликтов и противоречий, вызвать страх и панику, а также неприязнь или ненависть к определенным группам людей (включая этнические или религиозные общности), конкретным представителям правопорядка, решениям и событиям, а также деятельности общественных или государственных организаций.

Обзор литературы

В условиях современных социально-правовых реалий масштаб дискуссии, сформировавшейся в гуманитарной доктрине, а также на уровне обывательского правосознания по вопросам общественной опасности и иных криминообазующих признаков преступлений экстремистской направленности, связанных с публичным распространением соответствующей заведомо ложной информации, приобретает все большее значение. В частности, появляются исследователи, предпринимающие попытки выявить причины правоприменительных проблем в плоскости толкования отдельных элементов указанного криминального поведения в рамках диссертационных изысканий. Существенное влияние на становление научного знания по данному направлению в последние годы оказали труды З.М. Бешуковой, В.А. Елеця, А.В. Петрянина, В.В. Семенова, А.И. Трахова, В.М. Шеншина. Более того, именно криминализация деяний является ведущим направлением уголовной политики, и в доктрине уголовного права этому вопросу традиционно уделяется особое внимание [1, с. 226; 2, с. 27 – 29; 3, с. 167; 4, с. 58; 5, с. 108].

Материалы и методы

Не умаляя значимость достаточно распространенной в отечественной уголовно-правовой доктрине структуры юридического анализа составов преступлений от объективных признаков к субъективным, через призму которых осуществляется анализ криминообразующих элементов соответствующих деяний экстремистской направленности, в текущем исследовании полагаем целесообразным отталкиваться от дедуктивной методологии. Наиболее подходящим социально-правовым подспорьем для этого обладают нормы, закрепленные в статьях 207¹ – 207³ УК РФ, поскольку при их технико-юридическом конструировании были консолидированы ключевые признаки, определяющие общественную опасность экстремистской деятельности, что в настоящее время в отдельных социальных кругах неверно интерпретируется как ограничение свободы слова.

Таким образом, адаптируя традиционную для специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки последовательность осуществления юридического анализа под дедуктивный метод, формули-

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

² Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.07.2003 № 270-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 5.

руем следующий алгоритм раскрытия научного обоснования криминализации соответствующих общественно опасных деяний: определить уголовно-правовое значение заведомо ложной информации и последствий ее распространения в публичном пространстве; рассмотреть особенности правовой оценки указанного девиантного поведения с точки зрения отечественного и зарубежного законодательства, а также правоприменительной практики; раскрыть условия и основания его криминализации через призму общественной опасности.

Результаты исследования

Приоритетным признаком, отличающим преступление от иного правонарушения, является критерий общественной опасности, проявляющийся в причинении вреда или угрозе его причинения охраняемым уголовным законом общественным отношениям, при этом уровень такой опасности должен свидетельствовать о необходимости применения средств, имеющихся именно в уголовном законе [6, с. 205]. С учетом этого следует обратить внимание на то, что усугубление деструктивного воздействия распространения заведомо ложной социально значимой информации и фактическое формирование признака общественной опасности у данного рода деяний в значительной мере обусловлены тем, что с развитием информационно-телекоммуникационных технологий стало гораздо проще и быстрее распространять недостоверные сведения, обеспечивающие деформацию общественного правосознания, прогрессирование социального инфантилизма и нигилизма, рост недоверия к государственной власти и ее основным институтам, ущерб репутации и деловой активности тех или иных субъектов. Так, например, только по итогам 2021–2022 годов аудиторные показатели отечественного сегмента сетевой телекоммуникации превысили более чем 97,5 миллионов пользователей, что фактически превышает 80% населения Российской Федерации [7, с. 94]. С учетом этого вполне справедливое замечание сделано А.В. Петряниным и Д.А. Негановым, согласно которому негативные последствия от такого рода преступного поведения велики и не только включают материальный вред, но и наносят непосредственный вред интересам личности, общества и государства, что подтверждается непрекращающимся процессом насыщения всех разделов и глав

УК РФ признаком использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, как конструктивным или отягчающим [8, с. 100]. При этом в отдельных случаях криминальные формирования даже способны «разжечь» весьма радикальные, в том числе экстремистские, настроения в обществе, когда приходится вести речь о наличии прямой угрозы для жизни и безопасности конкретного человека или неограниченного круга лиц¹.

С учетом этого вполне закономерно, что в действующей Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229, закреплено, что «*в современном мире происходит осложнение ситуации с транснациональными вызовами и угрозами, такими как использование информационно-коммуникационных технологий в противоправных целях, тогда как электронные сети, в том числе Интернет, становятся новыми сферами военных действий*»². К числу детерминант трансформации отечественной уголовной политики, как это отмечается в гуманитарной доктрине, безусловно относится недружественное отношение со стороны зарубежных партнеров [9, с. 335]. Вместе с тем данный факт лишь усугубляет то, что общественная опасность распространения заведомо ложной информации существенно возрастает благодаря процессам глобализации и технологизации, способным придать данной криминальной активности транснациональный характер, высокий уровень гибкости (адаптации) и оперативности своих проявлений, а также латентности, что в совокупности затрудняет их количественное измерение, научный анализ, прогнозирование, предупреждение и противодействие в целом.

Очередным аргументом в подтверждение преступного характера данного девиантного поведения выступает зарубежный законодательный опыт, демонстрирующий наличие соответствующей уголовной ответственности. Так, например, в Республике Сингапур с 2019 года функционирует Закон о защите от лжи и манипуляций в Интернете, направленный на:

- *предотвращение распространения ложных утверждений о фактах и принятие мер по противодействию последствиям такого сообщения;*
- *пресечение финансирования, продвижения и поддержки информационных источников, кото-*

¹ Копорухин М. Следователи возбудили дело после массовых беспорядков в аэропорту Махачкалы // Российская газета. 2023. 29 октября. URL: <https://rg.ru/2023/10/29/sledovateli-vozbudili-delo-po-besporiadkam-v-aeroportu-mahachkaly.html?ysclid=lozz53h7gh503106541> (дата обращения 15 ноября 2023 года).

² Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 14. Ст. 2406.

рые постоянно транслируют недостоверные сведения;

– обеспечение возможности принятия мер по выявлению, контролю и защите от скоординированного неаутентичного поведения и другого неправомерного использования онлайн-аккаунтов и ботов;

– принятие мер по расширению противодействия информации, направленной на достижение политических и антисоциальных целей.

Часть 2 представленного зарубежного законодательного акта предусматривает уголовную ответственность за передачу ложных сведений о событиях в Сингапуре. В соответствии с разделом 7 наказание в виде штрафа и/или тюремного заключения предусмотрено, если ложное заявление наносит ущерб «безопасности государства», «общественному здравоохранению, общественной безопасности, общественному спокойствию или государственным финансам», дружественным международным отношениям, влияет на исход парламентских и президентских выборов или референдумов, создает напряженность между различными группами людей или снижает доверие общества к государственной службе или общему управлению государством¹.

Таким образом, резюмируя наличие признака общественной опасности в действиях по публичному распространению соответствующей заведомо ложной информации, следует раскрыть ее степень и характер через призму целой совокупности взаимосвязанных факторов.

Во-первых, такая криминальная активность нарушает право граждан на информацию, а также принципы свободы слова и публичного доступа к сведениям социального предназначения.

Во-вторых, она выступает детерминантой и катализатором серьезных негативных последствий, включая панику, вражду и насилие.

В-третьих, публичное распространение заведомо ложной информации подрывает доверие к средствам массовой информации, а также иным институтам гражданского общества и государственной власти, что способно привести к дезо-

риентации населения, утрате внутренней стабильности и порядка.

На основании изложенного весьма обоснованным и закономерным решением выступило внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, произошедших 1 апреля 2020 года, в рамках чего криминализованы «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» (207¹ УК РФ) и «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» (207² УК РФ)², а также 4 марта 2022 года, когда уголовно-наказуемым стало «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации» (207² УК РФ)³. Наряду с этим, другим федеральным законом были дополнены статьи 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях частями 10.1 и 10.2, которые регулируют ответственность юридических лиц за административные правонарушения, идентичные вышеупомянутым преступлениям⁴. Этот шаг был предпринят с целью защиты общественного порядка и общественной безопасности, поскольку распространение недостоверной информации стало неотъемлемой чертой большинства резонансных событий не только в нашей стране, но и во всем мире.

В то же время следует обратить внимание, что, согласно части 3 статьи 2.1 КоАП РФ, привлечение физического лица к уголовной ответственности не освобождает соответствующее юридическое лицо от административной ответственности. То есть физическое лицо будет преследоваться согласно обозначенным выше предписаниям УК РФ⁵, в то время как юридическое лицо, причастное к аналогичной противоправной деятель-

¹ Protection from Online Falsehoods and Manipulation Act: came into effect on 2 October 2019 // Government of Singapore. URL: <https://www.parliament.gov.sg/docs/default-source/default-document-library/protection-from-online-falsehoods-and-manipulation-bill10-2019.pdf> (дата обращения 15 ноября 2023 года).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2030.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1389.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 20.12.2001 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 24.05.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

ности, будет рассматриваться сквозь призму полномочий, предоставляемых КоАП РФ.

Нельзя не отметить, что одним из катализаторов криминализации рассматриваемого девиантного поведения выступили быстро распространяющиеся в 2019–2020 гг. ложные новости в сети Интернет о ситуации с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 и принимаемых мерах для минимизации масштабов данной пандемии. В частности, прокуратура Краснодарского края оценила как недостоверную общественно значимую информацию, создающую угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности, содержащуюся в размещенном на видеохостинге YouTube видеоролике, в котором демонстрировалось использование электросварки для блокирования двери в подъезд многоквартирного жилого дома, при этом из содержания было понятно, что данные меры приняты в связи с обнаружением у одного из жителей коронавирусной инфекции¹. Еще одним примером выступает интервью с политологом В. Соловьев, опубликованное 16 марта 2020 года на сайте СМИ «Эхо Москвы». Со ссылкой на анонимные источники он сообщил, что в Российской Федерации имеется порядка 1600 подтвержденных случаев смерти людей от COVID-19 с середины января 2020 года, а количество инфицированных оценивается в 130 – 180 тысяч², тогда как, согласно информации, размещенной на официальном сайте Роспотребнадзора, по состоянию на 18 марта 2020 года в стране проведено более 122 тысяч исследований на коронавирус, зарегистрировано 147 случаев заболеваний, выписано после выздоровления 5 человек³.

Активное распространение в общедоступном информационном пространстве подобных заведомо недостоверных сведений вызвало незамедлительную реакцию со стороны правоохранительных органов, указавших на необходимость ограничения доступа к ресурсам⁴, способству-

ющим эскалации социальной напряженности и паники среди гражданского населения, что в совокупности сформировало необходимые предпосылки и юридические основания для криминализации публичного распространения соответствующей заведомо ложной информации.

Вместе с тем подобные свидетельства об общественно опасном характере публичного распространения заведомо ложной информации прослеживались и до наступления обозначенной пандемии. В числе таковых очередным подтверждением этому тезису выступил пожар в торговом-развлекательном комплексе «Зимняя вишня» в городе Кемерово, произошедший 25 марта 2018 года. Недостоверные сведения о количестве погибших были широко распространены в информационно-телекоммуникационных сетях, что детерминировало волну недовольства и спровоцировало массовый митинг возле областной администрации⁵.

Обсуждение и заключение

Таким образом, установление уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации стало необходимым шагом в борьбе с дезинформацией и обеспечением информационной безопасности в нашем обществе. Это решение направлено на реализацию государственных гарантий защиты таких объектов уголовно-правовой охраны, как информационная и физическая безопасность личности, здоровье населения, общественный порядок, а также стабильность функционирования отдельных институтов гражданского общества, сфер управления и систем жизнеобеспечения.

На основании изложенного вполне закономерно возникает вопрос не столько об общественной опасности и необходимости криминализации соответствующих преступлений экстремистской направленности, сколько об их месте в иерархии объектов уголовно-правовой охраны. Традиционно общественная безопасность в структуре УК РФ стала универсальным

¹ гОлОсИстИны_AzRusNews! В Краснодаре заваривают двери подъезда, в котором обнаружили заразившихся // Видеохостинг YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=D4gyflwi3oE&ysclid=lozp4cg16a275262271> (дата обращения: 15.11.2023).

² Особое мнение. Интервью политолога, доктора исторических наук Валерия Соловья // Эхо Москвы, 2020. 16 марта. URL: <https://web.archive.org/web/20200321100459/https://echo.msk.ru/programs/personalno/2606156-echo/> (дата обращения: 15.11.2023).

³ Егоров И. Генпрокуратура потребовала ограничить доступ к фейкам о коронавирусе // Российская газета. 2020. 20 марта. URL: <https://rg.ru/2020/03/20/genprokuratura-potrebovala-ogranichit-dostup-k-fejkam-o-koronaviruse.html?ysclid=lozph45n27948155496> (дата обращения: 15.11.2023).

⁴ Генеральная прокуратура Российской Федерации потребовала ограничить доступ к информационным ресурсам, где размещены недостоверные сведения о ситуации с коронавирусной инфекцией // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации в сети Интернет. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=82903638> (дата обращения: 15.11.2023).

⁵ Латухина К. Песков считает неудачными слова Тулеева об участниках митинга в Кемерово // Российская газета. 2018. 29 марта. URL: <https://rg.ru/2018/03/29/peskov-schitaet-neudachnymi-slova-tuleeva-ob-uchastnikah-mitinga-v-kemerovo.html?ysclid=lp03re9crq359155046> (дата обращения: 15.11.2023).

звеном, позволяющим включить в себя чуть ли не все общественно опасные деяния, содержащиеся в обозначенном нормативном правовом акте. Вопрос будет лишь в том, через призму какого объекта (основного, дополнительного или факультативного) получится ее проследить. Тем не менее исследование преступной сущности и социально-правовых предпосылок криминализации исследуемого девиантного поведения выступает достаточной методологической основой для вывода, что непосредственное посягательство и

угроза, исходящая от подобной криминальной активности, в первую очередь затрагивают именно общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения безопасности государства, в частности касающиеся стабильной и упорядоченной работы его структурных механизмов – органам власти причиняется вред, выражающийся в дестабилизации их деятельности через причинение вреда тем или иным элементам, определяющим их нормальное функционирование [10, с. 124].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 464 с.
2. Кенни К. Основы уголовного права / К. Кенни; пер. с англ. канд. юридических наук В.И. Каминской; под ред. и с вступительной ст. канд. юридических наук Б.С. Никифорова. Москва: Изд-во иностр. лит., 1949 (20-я тип. Союзполиграфпрома). LVII. 599 с.
3. Курлянский В.С., Карпушин М.П. Уголовная ответственность и состав преступления Москва: Юрид. лит., 1974. 232 с.
4. Основные направления борьбы с преступностью: сборник статей / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности; под ред. проф. И.М. Гальперина и проф. В.И. Курляндского. Москва: Юрид. лит., 1975. С. 47 – 76.
5. Лопашенко Н.А. Уголовная политика Москва: Волтерс Клувер, 2009. 579 с.
6. Степанов М.В., Петрянин А.В. Социально-правовая обусловленность криминализации противоправной деятельности, сопряженной с использованием цифровых финансовых активов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 2. С. 203 – 212. DOI: 10.37973/KUI.2020.54.49.010
7. Гуцев М.Е., Летёлкин Н.В. О необходимости криминализации использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) при совершении преступления, предусмотренного статьей 127¹ Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 3 (53). С. 92 – 98. DOI: <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.65.38.010>
8. Петрянин А.В., Неганов Д.А. Современное состояние и потенциал уголовного законодательства в области противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 2 (52). С. 98 – 104. DOI: <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.72.81.014>
9. Куликов Р.С., Петрянин А.В. Контрабанда как форма внешнеэкономической преступной деятельности: новые направления уголовной политики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 3. С. 334 – 338. DOI: 10.24420/KUI.2019.51.45.012
10. Пшеничнов И.М. Акт международного терроризма: концептуальные проблемы противодействия // Альманах молодых ученых. 2020. Вып 1. С. 116 – 125.

REFERENCES

1. Bekkariya CH. O prestupleniyah i nakazaniyah. Moskva: YUrid. izd-vo NKYU SSSR, 1939. 464 s.
2. Kenni K. Osnovy ugolovnoogo prava / K. Kenni; per. s angl. kand. yuridicheskikh nauk V.I. Kaminskoj; pod red. i s vstupitel'noj st. kand. yuridicheskikh nauk B.S. Nikiforova. Moskva: Izd-vo inostr. lit., 1949 (20-ya tip. Soyuzpoligrafproma). LVII. 599 s.
3. Kurlyanskij V.S., Karpushin M.P. Ugolovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya Moskva: YUrid. lit., 1974. 232 s.
4. Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu: sbornik statej / Vsesoyuz. in-t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti; pod red. prof. I.M. Gal'perina i prof. V.I. Kurlyandskogo. Moskva: YUrid. lit., 1975. S. 47 – 76.
5. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika Moskva: Volters Kluver, 2009. 579 s.
6. Stepanov M.V., Petryanin A.V. Social'no-pravovaya obuslovlennost' kriminalizacii protivopravnoj deyatel'nosti, sopryazhennoj s ispol'zovaniem cifrovyyh finansovyh aktivov // Vestnik Kazanskogo

- yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T. 11. № 2. S. 203 – 212. DOI: 10.37973/KUI.2020.54.49.010
7. Gushchev M.E., Letyolkin N.V. O neobходимosti kriminalizacii ispol'zovaniya informacionno-telekommunikacionnyh setej (vklyuchaya set' Internet) pri sovershenii prestupleniya, predusmotrennogo stat'ej 1271 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 14. № 3 (53). S. 92 – 98. DOI: <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.65.38.010>
8. Petryanin A.V., Neganov D.A. Sovremennoe sostoyanie i potencial ugolovnogo zakonodatel'stva v oblasti protivodejstviya prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej, v tom chisle seti Internet // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 14. № 2 (52). S. 98 – 104. DOI: <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.72.81.014>
9. Kulikov R.S., Petryanin A.V. Kontrabanda kak forma vneshneekonomicheskoy prestupnoj deyatel'nosti: novye napravleniya ugolovnoj politiki // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. T. 10. № 3. S. 334 – 338. DOI: 10.24420/KUI.2019.51.45.012
10. Pshenichnov I.M. Akt mezhdunarodnogo terrorizma: konceptual'nye problemy protivodejstviya // Al'manah" molodyh uchenyh. 2020. Vyp 1. S. 116 – 125.

Информация об авторах:

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, petryanin@mail.ru

Пшеничнов Илья Михайлович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, pshenichnov.im@skspba.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Petryanin Aleksey V., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Director of the Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, petryanin@mail.ru

Pshenichnov Ilya M., Candidate of Law (Research doctorate), Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, pshenichnov.im@skspba.ru.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Петрянин Алексей Владимирович – инициатор темы исследования, постановка проблемы, определение объекта и методов исследования, разработка обзора литературы, уточнение выводов и рекомендаций.

Пшеничнов Илья Михайлович – анализ доктринально-прикладных данных, подготовка введения и результатов исследования, формирование заключения.

Статья получена: 20.11.2023.

Статья принята к публикации: 20.12.2023.

Статья опубликована онлайн: 28.12.2023.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.